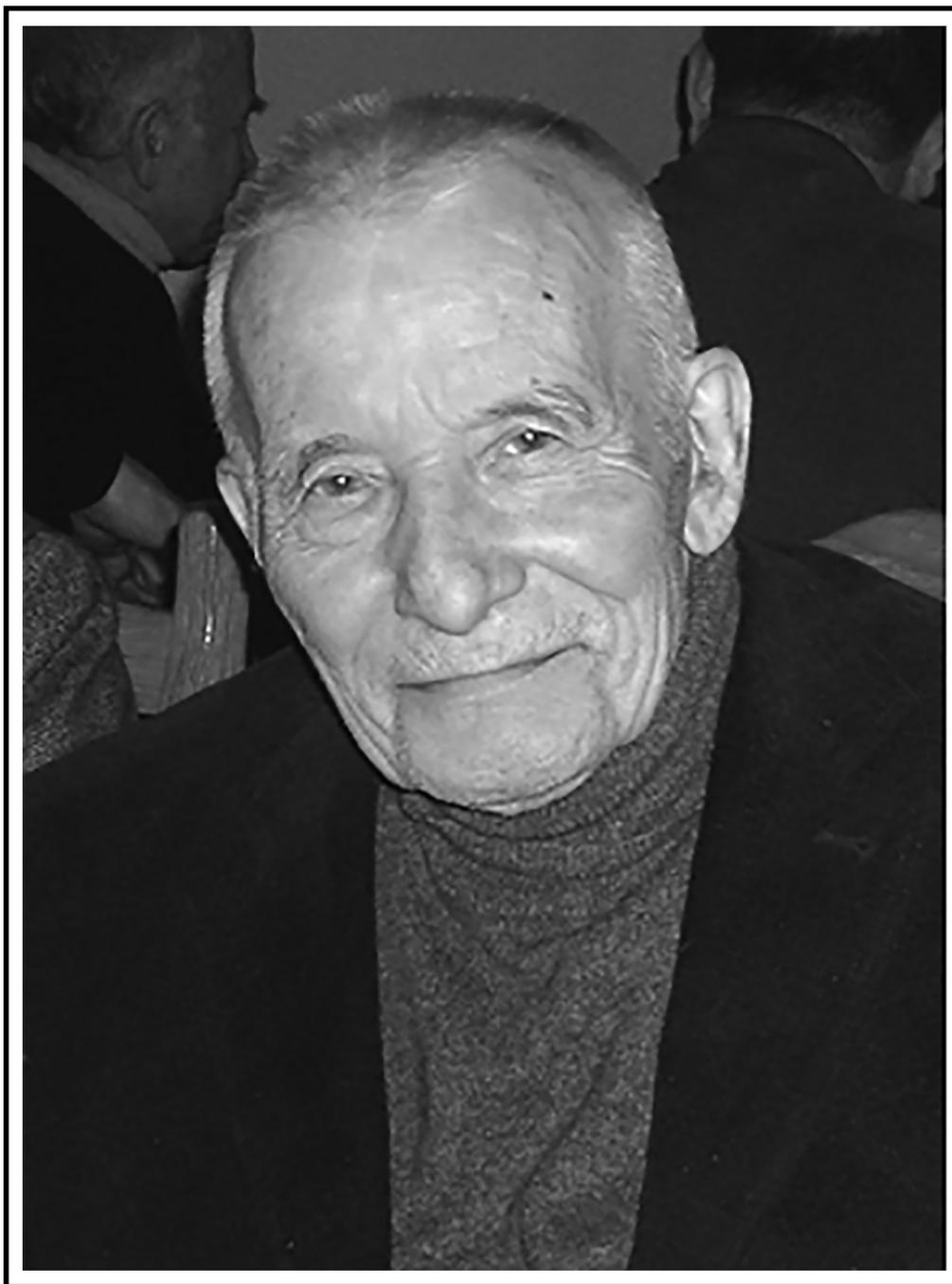

Памяти Владимира Александровича Ядова (1929-2015 гг.)

2 июля 2015 года умер Владимир Александрович Ядов. Склоним головы...

Владимир Александрович Ядов (1929-2015) - один из создателей советской социологии и ученый, во многом определявший становление и развитие современной российской социологии. Его пионерные работы заложили фундамент теоретико-эмпирических социологических исследований в нашей стране, его книга по методологии и методам социологии долгие годы была единственным в стране учебником, на нем выросли все следующие поколения социологов. Будучи одним из лидеров сначала Советской социологической ассоциации (ССА), а затем - Российского общества социологов, В.А. Ядов много сделал для признания в СССР социологии как самостоятельной науки, а на различных постах в международных профессиональных ассоциациях - для укрепления позиций советской / рос-

сийской социологии в мире. Под его руководством защищено свыше сотни кандидатских диссертаций по различным направлениям социологии, десятки его учеников стали докторами наук.

Особенно близок был Владимир Александрович Ядов для социологов Ленинграда / Петербурга. Он родился в этом городе, здесь создал и возглавил первую в стране социологическую лабораторию, многие годы избирался Президентом Ленинградского отделения ССА. По его инициативе в Петербурге был образован Социологический институт РАН.

Мы выражаем глубокие соболезнования всем родственникам Владимира Александровича, его близким и друзьям, его коллегам и ученикам. К нам присоединяются многочисленные читатели "Телескопа".

Редакционный Совет журнала "Телескоп"

Мир Владимира Александровича Ядова

По страницам журнала «Телескоп»

Предпринимается попытка анализа жизненного и творческого пути Владимира Александровича Ядова. Эмпирическую базу работы образуют прежде всего различного рода материалы, опубликованные в 2003 - 2015 гг. в "Телескопе".

Ключевые слова: В.А. Ядов, "Мир Ядова", "Телескоп", советская / российская социология, история российской социологии.

Борис Докторов, Михаил Илле
Редакция журнала "Телескоп"

В нашем понимании, "Мир Ядова" — это все, относящееся к его жизни и работе, ибо применительно к Ядову с уверенностью можно говорить, что работа занимала доминирующее место в его жизни, и вся его жизнь была отдана делу. Сейчас трудно говорить о содержании "Мира Ядова", но можно не сомневаться в том, что он весьма велик, многообразен, интересен и многолюден. В письме, написанном одному из авторов этого эссе в начале осени 2013 года, то есть за несколько месяцев до своего 85-летия, Ядов итожил прожитое и начал свой текст словами: "Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь"¹. Так что "Мир Ядова" — это оптимистическое пространство.

Освоение "Мира Ядова" — один из эффективных и захватывающих маршрутов в прошлое-настоящее нашей науки и место для попыток рассмотрения ее будущего. Но одновременно, это и очень сложный маршрут. В мае 2010 года он писал: "...научного архива у меня практически нет, есть пара папок с личными бумагами и несколькими конспектами лекций. Самое ценное — запись ситуаций с разрабаткой диспозиционной концепции, найти не смог, хотя и не очень старался"², так что прямого пути в обозначенный мир нет. Но есть книги Ядова, его статьи, интервью с ним о социологии и о прожитом, есть книга "Vivat, Ядов!"³, выпущенная его друзьями к 80-летию; в ней много воспоминаний, веселых и грустных рассказов о Ядове — друге, коллеге, наставнике.

Вместе с тем, нам хотелось бы думать, что журнал "Телескоп" займет достойное место в коллекции материалов, помогающих ориентировать в "Мире Ядова". Возможно, ни одно бумажное или онлайн-издание в России не сравнится с "Телескоп" по числу и разнообразию публикаций Владимира Александровича и воспоминаний о нем близких ему по духу людей, а также высказываний социологов разных поколений о влиянии Ядова на их профессиональное становление. Перечень всех статей В.А. Ядова и материалов о его творчестве, опубликованных "Телескопом", завершает этот текст.

Одну из постоянных рубрик журнала "Современная история российской социологии", которая существует уже свыше десяти лет, с полным правом можно назвать "Ядовской". Прежде всего, уже само ее создание было поддержано В.А. Ядовым, и материалы в ней постоянно вызывали его интерес. Но сейчас более важно отметить, что за прошедшие годы в этом разделе журнала было опубликовано свыше 50 интервью с социологами разных поколений, и многие, скорее — большинство, вспоминают, отмечают различного характера влияние работ и личности Ядова на то, как сложилась их профессиональная жизнь. Приведу несколько примеров, раскрывающих многоликость этого влияния.

Начну с воспоминаний профессора Галины Саганенко, еще студенткой мат-меха ЛГУ она начала работать в социологиче-

ской лаборатории В.А. Ядова и писала диплом на материалах "Человек и его работа". Здесь она рассказывает, как сложилась ее жизнь непосредственно после окончания университета: все это происходило в середине 1960-х:

В те времена остаться в Ленинграде после вуза было фактически невозможно, разрешения на прописку получали единицы и лимитчики (работники для тяжелых производств). Ядов уже осознал, что математик — полезный работник в деле изучения массы респондентов, помноженных на массу признаков. А на те "скромные хлеба" пригласить гордого выпускника матмеха с ленинградской пропиской, нечего было и рассчитывать — у Ядова была только ставка лаборанта на 83 рубля <...>. Поэтому он пошел договариваться с ректором АД, Александровым, и в итоге меня оставили по распределению в Ленинграде, предоставив место в студенческом общежитии.

Потом были мои слезы в процессе многократных мятарств, когда мне не давали права на вступление в кооператив в моих попытках самостоятельно решить свою жилищную проблему. После очередных слез я заявила Ядову — никуда больше не пойду, пока не будет "звонка". И был "звонок", видимо, из Отдела науки Ленинградского обкома КПСС, и мне разрешили вступить в жилищный кооператив. Но это еще не был конец. Моя частично проплаченная квартира уже всю строилась, но я потеряла всякую прописку — когда мы перешли из ЛГУ в Академию наук, и моя, как оказалось, незаконная студенческая прописка была выявлена в Большом доме на Литейном. И опять после многократных мятарств я заявила Ядову — никуда не пойду, пока не будет "звонка". И, видимо, опять был "звонок", и меня прописали в общежитии Академии наук. Потом было новоселье на Альпийском переулке: Владимир Александрович, Игорь Семенович Кон, Дима Шалин, Вера Васильевна Водзинская, Галина Красноносенко, Галина Пожарская, Вера Николаевна Каюрова сидели на березовых чурочках, и было пение, кто-то из гостей хорошо настроил нашу спевку, может это был Андрей Григорьевич [БД: Здравомыслов]. Лаборатория подарила в мою пустую квартиру кресло и торшер. Потом была свадьба с Игорем Степановым и личный подарок от Ядова — комплект на стенку разделочных досок; до сих пор я использую их в своем кухонном хозяйстве. Потом родился сын Володя, и Ядов стал его крестным отцом⁴.

Интересно воспоминание доктора социологических наук Аллы Чириковой, оно относится к 1987 году, когда она, кандидат психологических наук, вместе с группой коллег перешла в Институт социологии и пребывала в раздумьях о своем будущем.

¹ Письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 8 октября 2013 г. Электронный архив Б. Докторов.

² Письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 4 мая 2010 г. Электронный архив Б. Докторов.

³ Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею: сборник / Предисл. М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2009.

⁴ Галина Саганенко: "Дороги хватит на всех" // "Телескоп". 2010. № 5. С. 6-7 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1328103382312653file.pdf.

Наши сектор работал достаточно обособленно от всех остальных сотрудников, но как-то к нам в комнату на 4 этаже пришел В.А. Ядов, который стал тогда директором института социологии, сменив на этом посту В.Н. Иванова. Это было в конце 80-х. До этого я видела Ядова по телевизору и была поражена тому, как раскованно он вел себя перед телевизионными камерами, не считаясь ни с какими иерархиями. Я тогда с интересом отвечала на поставленные мне вопросы, наблюдая за его реакциями. В конце разговора мой диагноз его личности был готов: талантливый человек, необыкновенно тонкий и неуправляемый, сензитивный, всегда готовый к непредсказуемым поворотам мысли и чувств. При этом достаточно рациональный, знающий себе цену, и умеющий настоять на своем. Рациональность и эмоциональность в нем являли собой удивительный симбиоз. Передо мной тогда сидел человек, явно мало уважающий формальные позиции и умеющий мгновенно расположить к себе собеседника. Сегодня, не исключено, я бы уточнила свою оценку, но в принципиальном видении психологической структуры Ядова, я тогда была права — это был уникальный человек, который не стремился к власти и признавал общение на равных. В те годы это было редким достоинством, тем более у начальника. Я была не против работать рядом с таким талантливым человеком, который к тому же не допекал меня дурацкими распоряжениями и ежедневными проверками дисциплины. Иначе говоря, позволял делать то, что хочется. Будь тогда во главе института другой человек, я не знаю, как бы сложилась моя дальнейшая профессиональная судьба⁵.

Теперь пример иного рода, об обращении к книге В.А. Ядова по методологии и методам социологии. Вспоминает профессор социологии Леонид Бляхер, в то время — кандидат филологических наук, не по своей воле покинувшей Душанбе, где он получил филологическое образование, и перебравшийся в Хабаровск.

Вторым увлечением, проснувшись где-то к 1995-му году, было увлечение качественными полевыми исследованиями. Я совершенно непонятным мне образом получил небольшой грант одного из первых фондов в РФ ("Культурная инициатива"), в ходе которого пришлось провести небольшой опрос и организовать интервьюирование. Испуганный этой перспективой, я кинулся читать учебник Ядова. От него перешел к Парсонсу и Мертону, Гирцу и Гарфинкелю. Читал запоем. Для меня это было очень необычно. В 1997-м году поехал на школу молодых социологов. Собственно, там сложилась мой первый социологический проект. Потом они пошли косяком. Видимо, на нерест⁶.

И снова о роли книги "Методология и методика социологического исследования", однако уже не в профессиональной судьбе одного человека, но о том, что она стала началом долгого и многошагового процесса создания Самарской социологической школы. Вспоминает один из ветеранов нашего профессионального цеха, известный специалист в области изучения труда Будимир Тукумцев, который на момент начала его рассказа руководил одной из первых в стране социологических лабораторий.

В лаборатории началась учеба. За основу были взяты книги, полученные мною от моих друзей из Ленинграда. Прежде всего, это было первое, изданное в Тарту, учебное пособие В.А. Ядова "Методология и методика социологического исследования". Благодаря этой книге мы начали использовать в работе нормальную терминологию и четко

представлять себе процедуры социологического исследования. Вторым нашим приобретением стала книга "Человек и его работа", подробное изучение которой заняло несколько месяцев. Знакомство с этими двумя трудами, которые сегодня рассматриваются как отечественная социологическая классика, буквально преобразило работу лаборатории. <...> И тогда я выехал в Ленинград для знакомства с Владимиром Александровичем Ядовым <...>.

Два месяца, проведенные мною в Ленинграде, трудно переоценить с точки зрения приобретения мною исследовательского опыта. Я вернулся домой со значительным багажом знаний и умений. Я научился ценить теоретические основы исследования. Получил первые навыки серьезной методической работы. Особенно обрадовало то, что Владимир Александрович предложил мне сотрудничество, проведение в Самаре некоторой части полевых работ по ряду методик проекта "ЦО" [БД.: "Ценностные ориентации"] И мы ее успешно выполнили⁷.

Приведенные фрагменты лишь четырех интервью с социологами разных городов и разных поколений позволяют сделать два вывода. Во-первых, вспоминая и описывая истории своего вхождения в социологию, люди находят в них прямое, личностное влияние Ядова или стимулирующий, мотивирующий эффект его книг. Во-вторых, даже обращение к весьма ограниченному числу биографических интервью позволяет увидеть некоторые черты конструкции "Мира Ядова" и приоткрыть особенности его содержания; к тому же, очевидно, что каждый из этих сюжетов раскрывает отдельные элементы истории становления российской социологии. Таким образом, есть основания полагать, что тщательный историко-социологический анализ всего массива биографических интервью (к настоящему моменту их свыше 130) может дать богатую информацию о развитии отечественной социологии и оценить роль В.А. Ядова в этом более чем полувековом процессе.

Второй пласт имеющейся в "Телескопе" информации о "Мире Ядова" — это два интервью, проведенных с Владимиром Александровичем. Первое — свыше 3-х печатных листов — было опубликовано в весеннем и летнем выпусках журнала 2005 года [3], [5]. Это интервью — наиболее полный, обстоятельный из всех существующих рассказ Ядова о своей жизни и о своей активности в пространстве социологии. За прошедшие годы оно полностью или частично воспроизводилось разными печатными и онлайн-версиями изданиями. Второе интервью было опубликовано в 2014 году, накануне 85-летия Ядова, в нем обсуждаются некоторые события, происходившие в его жизни после завершения первого интервью [25]. Нет необходимости доказывать, что оба разговора с Ядовым — это базовый материал для изучения его биографии, его творческого пути. Здесь же укажем еще два биографических интервью, впервые появившихся на страницах "Телескопа" и дополняющих выше названный материал. Одно из них — это воспоминание Владимира Александровича о его покойной жене — Люции (Людмиле) Николаевне Лесохиной, докторе педагогических наук, много сделавшей в области социологии образования [24]. Другое — беседа с Николаем Ядовым, сыном Владимира Александровича, кандидатом психологических наук, три десятилетия возглавляющем питерскую маркетинговую компанию "Той-Опинион" [19].

Следуя рассказам Владимира Александровича, можно говорить о двух исторических событиях определивших его — и представителей его поколения — биографию: война и политическая "оттепель".

В июне 1941 года Ядов окончил 4 класс, в середине июля их

⁵ А.Е. Чирикova: "Мой профессиональный выбор был правильным" // "Телескоп". 2010. № 1. С. 10 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1326732119145096file.pdf

⁶ Бляхер Л.Е.: "Испуганный этой перспективой, я кинулся читать учебник Ядова" // "Телескоп". 2014. № 5. С. 10.

⁷ Тукумцев Б.Г. "То, что я оказался в социологии, связано со счастливой случайностью и с моим интересом к проблемам управления" // "Телескоп". 2009. № 5. С. 14 - 25. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content129750447925769file.pdf

школу эвакуируют в Лугу, но на дороге их автобус был остановлен немецкими десантниками, они пропустили ребят. Далее — поездом в сторону Вологды; там в интернате его нашла сестра отца и вывезла в Ярославскую область. В 1944 году, после окончания 8 класса он учился в авиационной школе в Ленинграде. Подобно многим ребятам того времени он стремился отправиться на войну, но по состоянию здоровья был отчислен из училища. Цитированное выше письмо о том, что Ядов прожил счастливую жизнь, он завершает так: "О чем жалею? Жалею лишь о том, что не поспел на фронт". Очень это созвучно тому, что в дружеских застольях Владимир Александрович часто пел трагическую песню Александра Галича "Ошибка", более известную как "Мы похоронены где-то под Нарвой...":

*Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Такие-сякие,
Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь — не вода!
Если зовет своих мертвых Россия,
Россия, Россия,
Если зовет своих мертвых Россия,
Так значит — беда!*

Что касается влияния хрущевской "оттепели" на молодых людей, родившихся на рубеже 1920-х и 1930-х, то об этом написаны книги. Подавляющее число представителей первого поколения советских / российских социологов с уверенностью относилось к "шестидесятникам".

Известно, что картина прошлого не пишется широкой кистью маслом, это — мозаика, которая складывается из мелких кусочков эмали, стекла. И все интересное, пусть косвенно относящееся, по мнению авторов мозаичного панно, к теме картины должно фиксироваться и храниться. 24 мая 2009 года я [Б.Д.] получил от Ядова мейл такого содержания: "Боря, посылаю текст, к-рый многое говорит о моем поколении. Привет. Володя". К нему прилагалась рукопись Ю.А. Красина, озаглавленная "19-я "гвардейская"⁸, объемом — около трех авторских листов. Начинается она следующим образом:

Университет наполнен жизнью. У студентов страдная пора — весенняя экзаменационная сессия. В коридорах суета. Одни спешат или, наоборот, не решаются идти сдавать трудный экзамен; другие радостно выходят из аудитории и на вопрос товарищей: "Что?" — удовлетворенно отвечают: "Пять". Но настоящая кипучая жизнь в Большом комитете. Здесь все заняты подготовкой к поездке на ГЭС. Бесперывно звонят телефоны: "Дайте Ядова. Ядов там!" Ядов теперь самый популярный человек. В его руках все нити подготовки.

Автор описывает события лета 1949 года, когда студенты выступили с инициативой: в период летних каникул принять участие в строительстве объектов сельского хозяйства. Создавались студенческие строительные бригады. На долю комсомола Ленинградского Университета выпало строительство двух межколхозных гидростанций. Философский факультет вошел в отряд по строительству Медведковской ГЭС в Ефимовском районе Ленинградской области. Бригада, которой он руководил была 19-ой. Читается все очень интересно, среди студентов — многие теперь известные люди, например: Федор Абрамов и Рой Медведев. Ядов был заместителем секретаря университетского Комитета ВЛКСМ и занимался формированием стройотряда. В тексте Ю.Н. Красина Ядов — одна из центральных фигур, он — среди руководителей студенческого отряда.

Но особый интерес для нас представляет краткое дополнение Ядова к этому тексту. Вот что сказано им об авторе воспоминаний:

Юра по окончании факультета какое-то время работал в аппарате Обкома партии, а потом директором Дома политпросвещения при Обкоме или Горкоме, не помню точно. Там он организовал социологический семинар, которым я руководил. Именно на этом семинаре мы с Андреем Здравомысловым докладывали первые результаты по исследованию отношения молодых рабочих к труду <...>. Юрия перевели в международный отдел ЦК, по тем временам наиболее либеральный из прочих отделов. Он помог Рою Медведеву избежать крупных неприятностей после передачи в Кремль "для ознакомления" рукописи книги о Сталине и сталинских лагерях".

Продолжая рассказывать о друге, Ядов — абсолютно в духе шестидесятников — говорит о своем отношении к М.С. Горбачеву и его политике.

Юрий длительное время сотрудничал с Горбачевым в его фонде, привлек меня к работе в горбачевских семинарах и исследовательских проектах. Нельзя не заметить, что Михаил Сергеевич чем-то напоминал нашу юность, во многом оставался романтиком. Сегодня меня охватывает чувство обиды за "выругивание" Горбачева большинством россиян, упрекают в развале Союза. Кто, честно говоря, развалил? То-то и оно. Горбачев предпринял неудачную попытку перестроить государство в социалистическую державу "с человеческим лицом", что-то наподобие скандинавской социал-демократии.

Большая часть интервью 2005 года — это воспоминания Ядова об исследовании, известном сегодня как "Человек и его работа", и об изучении диспозиционной теории личности, о годах студенчества и активной комсомольской деятельности, о первых поездках за границу, о марксизме и работе над первым изданием книги по методам социологии, о друзьях и семинарах на эстонском хуторе Кяярику... всего даже не назвать. И в целом, пожалуй, это интервью на сегодняшний день дает наиболее всеобъемлющую карту "Мира Ядова". Правда, надо научиться ее читать, надо осознать, что она полна "белых пятен". Кто способен, если не ликвидировать эти пятна, то хотя бы сократить их площадь, и зачем это следует делать?

История науки (и географии) свидетельствует, что "белые пятна" ликвидируются лишь усилиями исследователей многих поколений. Специфика нашего случая во многом определяется тем, что мы имеем дело с познанием биографии и наследия нашего современника, человека и ученого, имя которого известно всем живущим в нашей стране социологам, причем сотни из них были знакомы с Ядовым лично и десятки — знали его на протяжении многих лет. С одной стороны, это обстоятельство может способствовать интенсивному обследованию и картированию "Мира Ядова", но, с другой стороны, оно будет сдерживать в рассуждениях и утверждениях всех, кто будет писать о Ядове.

Теперь — зачем это надо? Самый общий ответ: жизнь, деятельность, наследие Ядова — значительная часть истории нашей науки. Но есть и другая цель: постижение механизмов творчества ученых, сделавших явные прорывы в науке, — одна из центральных задач науковедения и психологии творчества. И, конечно, одна из центральных тем истории науки.

Приводимый вслед за этой статьей текст В.А. Ядова под названием "Мемуар о том, как разрабатывалась диспозиционная концепция" [27], скорее всего, ранее не публиковался, хотя его содержание — в свернутом виде — просматривается в обсуждаемом интервью. "Мемуар" интересен многим. Во-первых, в нем — фрагмент истории становления нашей науки. Во-вторых, он вводит читателя в "творческую лабораторию ученого", показывает, как зарождалась одна из известных теперь концепций "социологической психологии" (термин, предложенный И.С.

⁸ Красин Ю.А. 19-я "гвардейская". Заметки участника с комментариями, спустя полвека // КЛИО. 2010. № 2. Цитируется по материалам, присланным В.А. Ядовым (Электронный архив Б. Докторовой)

Коном). И, конечно же, этот текст — абсолютно "ядовский": разговор об очень серьезном, о том, что Ядов считал одним из важнейших своих достижений в науке, но без "нажима", без "бронзы" в голосе, с юмором. Безусловно, это не тот материал, что в утерянной папке (смотри выше), тем не менее, он крайне полезен. Электронное письмо Докторову от 23 мая 2010, к которому был приложен текст, было весьма кратким: "Боря, сегодня от нечего делать, стал набрасывать "мемуар". Он не закончен. Посмотри. Привет". Жаль, конечно, что больше таких "бездельных" дней у Владимира Александровича не оказалось, и текст остался незаконченным.

Возможно, до настоящей статьи всестороннее изучение биографии В.А. Ядова не рассматривалась в качестве отдельной задачи по воссозданию истории советской / российской социологии. Однако движение в этом направлении началось давно и наиболее ярко проявилось в 2009 году, когда отмечалось 80-летие ученого. Названный выше сборник "Vivat, Ядов!" — иллюстрация данного утверждения. Опубликованные в том же году в "Телескопе" несколько заметок о Ядове (некоторые из них вошли и в названный сборник) были тогда поздравлениями другу, сегодня они — ценнейший историко-биографический материал.

А.Г. Здравомыслов в качестве поздравления опубликовал свой стих "Воспоминание", написанное еще в 2004 году, т.е. к 75-летию Ядова [11, с.10]. Оно навеяно духом "песенки" Булата Окуджавы "Девочка плачет, шарик улетел", которую Ядов очень любил и с которой в свое он время познакомил Здравомыслова. Стих Здравомыслова — очень интимный, очень ленинградско-петербургский. Начинается он четырьмя строками:

*Было время, было время
Всё понять и всё измерить.
Вникнуть разумом в пространство
Изменить несчастный мир,*

В полной мере сказанное здесь, по-видимому, было понято лишь Здравомыслову и Ядову, но, можно допустить, что речь здесь идет о давних дискуссиях и спорах относительно роли социологии, о способности, возможности этой науки познать, изменить и улучшить советскую модель общества. Но следующие четыре строки с окуджавской грустью отмечают, что "шарик улетел!":

*Песню спеть про шарик в небе,
И про девочку, что плачет,
Оттого, что шарик этот
Шарик этот улетел!*

Заметка Игоря Семеновича Кона дополняет и прекрасно валидизирует содержание четырех выше приведенных фрагментов интервью: "По своему характеру Ядов — бесспорный лидер, особенно в том, что касается формулирования и разработки новых идей (организационных и дипломатических талантов я за ним никогда не замечал). Он не только создал собственную школу и идейно возглавил всю ленинградскую социологию, но и помог становлению социологии в других регионах". И еще хотелось бы обратить внимание на замечание Кона о характере творчества Ядова:

Тот, кто будет оценивать вклад Ядова в отечественную науку, обязательно упомянет не только социологию, но и социальную психологию. Когда мы начали всерьез заниматься проблемами личности, мы были уверены, что психологические методы получим в готовом виде у наших коллег-психологов, у них все отработано и освоено. Оказалось — ничего подобного. Ни современных социально-психологических теорий, ни главных личностных тестов, ни других методик, вроде М.Рокича, советские психологи толком не знали. Освоение этого наследия вышло на долю

Ядова, Г.М. Андреевой и их молодых (по моим меркам) сотрудников и учеников. Это была большая и трудная работа. Не знаю, существует ли у нас понятие "социологической психологии", но если кто-то захочет проследить ее историю, ему придется начинать с работ Ядова, которые очень близки к классическим трудам Мелвина Кона [12, с. 4].

Работавшие с Ядовым в 1960-е — 70-е годы, наверное, помнят, что тогда он часто называл себя не социологом, а социальным психологом, и в его команде работали молодые люди с психологическим образованием: Владимир Магун, Владимир Лосенков, Алексей Семенов, Аркадий Сопиков; работала инженер по базовому образованию Елена Смирнова, позже перешедшая на работу на факультет психологии и защитившая кандидатскую диссертацию под руководством А.А. Бодалева.

Центральным моментом поздравления А.Н. Алексева стала публикация документа, в котором есть такие слова:

Общепризнанные успехи отечественной социологии за последние 20 лет во многом обусловлены Вашим вкладом. Воспитатель целой плеяды исследователей, ныне работающих во всех концах страны, Вы являетесь удивительно молодым старейшиной советских социологов, неиссякаемым "генератором идей" и "стимулятором открытий". Органическое сочетание научной и гражданской позиции, партийная принципиальность и человеческое обаяние, свойственные Вам, позволяют сегодня сказать, что коллеги и друзья видят в Вас подлинного Рыцаря советской социологической науки [13, с.5].

Сегодня, зная и понимая сделанное Ядовым, этот текст не вызвал бы никаких вопросов, разве лишь недоумение по поводу "партийной принципиальности", но дело в том, что он написан в 1979 году, когда Ядову исполнялось только 50 лет. Он переживал далеко не лучшие времена, руководя сектором социальных проблем личности и образа жизни в весьма консервативном Институте социально-экономических проблем АН СССР. И текст составлялся его коллегами так, чтобы его подписали все сотрудники института, включая и директора.

Б.М. Фирсов, знавший Ядова по их совместной комсомольской работе, поделился воспоминанием о событиях 1988 года, когда Владимира Александровича на заседании Президиума Академии наук утверждали директором Института социологии АН СССР. В таких случаях потенциального руководителя спрашивали, что руководство Академии может сделать, чтобы помочь выдвиженцу. Обычно просили автомашины, вычислительную технику, зарплату. Ядов ответил: "Прошу создать филиал Института социологии в Ленинграде. 55 моих коллег по профессии томятся в неволе у экономистов из Института социально-экономических проблем АН СССР". Президент АН СССР Гурий Марчук здесь же принял решение: "Ну, что ж, пожалуй, в этом есть смысл. Давайте создадим филиал!". И вот, как директор головного академического института Ядов поехал договариваться по этому поводу в ленинградский обком КПСС. Он сказал без обиняков: "У меня нет никаких других кандидатур на пост директора-организатора филиала кроме Фирсова". На что его собеседник, один из секретарей обкома партии возразил: "Как так Фирсова? Он же опальный! Он еще ходит со строгим партийным выговором, да еще с предупреждением...". Ядов ответил: "А сейчас время опальных!". Подумав над этими необычными словами, его собеседник согласился с предложением Ядова [14, с. 5].

Возвращаясь к лишь намеченной теме — "телескоповские" интервью, в которых рассказывается о личном влиянии Ядова и его работ, — отметим специально несколько бесед с теми, кто учился на философском факультете ЛГУ одновременно с ним. О том времени вспоминали: А.В. Баранов, В.Я. Ельмеев, А.А. Русалинова. Эта же тема освещена и в интервью с А.Г. Здравомысловым и Л.Н. Столовичем, которые были опубликованы в "Социологическом журнале". Таким образом, студенческий пери-

од жизни Ядова — крайне важный для понимания его мира, просматривается достаточно (с учетом отдаленности того времени) полно.

На страницах "Телескопа" есть еще один необычный материал, приоткрывающий "Мира Ядова". Речь идет о двухчастевом интервью [6], [7], в котором Ядов предстает в двух позициях: он спрашивал Б. Докторову о методологии его исторических изысканий и одновременно достаточно развернуто формулировал свое отношение к его подходу, и в частности, рассказал об исследователях, сыгравших определяющую роль в становлении отечественной социологии. Это замечание Ядова можно трактовать как его наказ для историков российской социологии, как краткий конспект соответствующего лекционного курса. Приведем несколько фрагментов этого Ядовского текста:

... Геннадий Осипов, сыгравший ключевую роль в институционализации социологии, помимо интереса к науке обладал качествами, которыми другие похвастаться никак не могли. Он великолепно ориентировался в столичных коридорах власти и эти способности эффективно использовал во благо нашего общего дела. Не знаю, насколько затянuloсь бы признание социологии в системе марксистских наук в Академии СССР, если бы не подвижничество Осипова. <...> Альтернативный персонаж — Юрий Левада — академический ученый, озабоченный лишь тем, чтобы ему не мешали заниматься своим делом. <...> Недавно я заново прочел его курс лекций, послуживший причиной ostrакизма, и, клянусь, это великолепно введено в социологию, которое можно рекомендовать и нынешним студентам. Борис Грушин — хулиган по характеру, но интеллект по образу мыслей. <...> Так же в его характере ниспровергателя были утверждения о том, что никакого общественного мнения в СССР нет, ибо нет гражданского общества и общественно-политической дискуссии. Тем не менее, Борис стал нашим Гэллатом, надеясь, что сам факт опросов граждан подвинет их к размышлениям о проблемах общества. Мы, питерские, вдали от Москвы, делали свое дело, не очень задумываясь о позиции высших властей. У нас было провинциальное представление о властвующих структурах (главное — охмурить свой обком партии), но было серьезнейшее отношение к новой тогда науке. В Свердловске Леонид Коган, человек с искрометным юмором, определенно считал, что социология поможет партии лучше понять, что следует делать, если социологи представляют истинную картину общества. Украинская когорта тогдашних лет была озабочена в первую очередь самообразованием, каковое пополнила в постсоветское время сотрудничеством с американцами и сегодня выступает в функции истинных интеллигентов, отстраненных от власти. Эстонские первосоциологи Юло Вооглайд, Марью Лауристин, Пээтер Вишхалем, Яаак Тамм и другие учились у нас с тем, чтобы в критический момент выступить экспертами при разработке и осуществлении программы "назад в Европу". Захар Файнбург, глубокий философ и социолог <...> создал великолепную школу, причастные к которой не только отличные эмпирики, но пытаются категорически осмыслить статистики. Блистателен белорусский партизан Георгий Петрович Давидюк, который именно как партизан, навесив свои ордена и распахивая ногой двери в кабинеты ЦК Белоруссии, "продавил" социологию. Венери

Квачахия — отец грузинской социологии, верящий в общественный тульсар исследований общественного мнения. Он <...> был вхож в кабинет Первого секретаря КП Грузии Шеварднадзе, который обращался к нему "батона профессор товарищ Венери". <...> Маркс, которому следуют нынешние мэтры активистской социологии, писал о параллелограмме сил в том смысле, что в обществе сталкиваются разные интересы действующих субъектов и в итоге складывается вектор социального развития, изменения. Какими бы персональными мотивами не руководствовались шестидесятники, получилось то, что получилось [7, с. 47-48].

Завершим заметки о "Мире Ядова" небольшим автобиографическим повествованием Владимира Александровича. Этот текст был прислан Ядовым Б.Докторову 12 октября 2013 года, но был помечен — "2008". Это — не личное письмо, скорее всего, комментарий к какому-либо тексту.

Какая ерунда приходит подчас в голову. Начинаю понимать, что жил исключительно идеей быть полезным для ... общества, семьи, для студентов и своих коллег, прочее и прочее.

Переживал, что не удалось схватить зажигалку на крыше в первые дни бомбежек Ленинграда. По возвращении из эвакуации пошел в летную школу, а к концу курса перед переходом в авиаучилище война закончилась и к тому же оказался физически негодным в пилоты, маячило училище авиаобслуги. В университете хунвейбинствовал, свято веря в то, что страна наша уникальна и открывает путь в справедливое общество. После XX съезда в этом лишь убедился — пойдём по пути Ленина. Будучи Первым секретарем Василеостровского РК ВЛКСМ на отчетной конференции вышел из-за стола и пел Интернационал так искренне, что весь зал запел.

Даже, когда стал Директором организатором Института социологии на каком-то партсобрании произнес душевную речь в том смысле, что в руководстве партии были всякие, но многие рядовые коммунисты искренне верили в идею и жертвовали ради нее своей жизнью. Одна из любимых моих песен — "И комиссары в красных шлемах склоняются низко надо мной". Мой ближайший друг — итальянский коммунист Нино Коломбо, до сего дня остающийся страстным борцом: пенсионер, но выполняет поручения одной из радикальных отколовшихся от ИКП партий, ездит в другие страны на конгрессы, участвует в уличных демонстрациях.

Свой партбилет, который я держу в обложке от партбилета отца с надписью ВКПБ, я не сжигал и не выбрасывал, а храню вместе с академическими дипломами. Не упускаю случая еще раз посмотреть фильмы: "Женя, Женечка и "катюша"", "В бой идут одни старики", вижу самого себя на той войне, куда не удалось попасть.

И как будто вторая жизнь — социология. В воспоминаниях перед сном никогда не возникают образы из этой второй жизни⁹.

Настоящая статья — начало изучения биографии Владимира Александровича Ядова, первый шаг в его внутренний мир, попытка подойти к истории советской / российской социологии через анализ его жизни и наследия. Углубление всего этого — дело многих и надолго...

⁹ Письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 12 октября 2013 г. Электронный архив Б. Докторову.

Публикации В.А. Ядова и материалы о его вкладе в социологию, представленные в "Телескопе": 2003 — 2015 гг.

1. Ядов В. Динамика самоопределения граждан: Кто Я и кто Мы? Признаки преодоления травмы идентичности // Телескоп. 2003, №1. С.2-3. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1195572534341587file.pdf
2. Ядов В. Современное состояние трудовых отношений в России // Телескоп. 2003, №3. С.26-31 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1194268969219524file.pdf
3. В.А. Ядов: "...Надо по возможности влиять на движение социальных планет..." (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп. 2005. №3. С. 2-11; http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1203348361424318file.pdf
4. Дополнение И.С. Кона. Там же. С. 11.
5. В.А. Ядов: "...Надо по возможности влиять на движение социальных планет..." (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп. 2005. №4. С. 2-10; http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1203348361424318file.pdf
6. Б. Докторов: "Работа над биографиями — это общение с моими героями" (Интервью В.А. Ядову) // Телескоп. 2008, №1. С. 40-50. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208533220388169file.pdf
7. Докторов Б., Ядов В. Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Телескоп. 2008, №3. С. 47-60 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content121601777511087file.pdf
8. Козлова Л. О реконструкции истории послереволюционной социологии. Там же. С. 61-64.
9. Алексеев А. Замечание об истории социологии с "Человеческим лицом". Там же. С. 64.
10. Юбилей В.А. Ядова // Телескоп. 2009. № 2
- http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1296913394141361file.pdf
11. Здравомыслов А. Воспоминание (Володе Ядову, 25 апреля 2004). Там же. С. 3
12. Кон И. Заметки о Владимире Ядове. Там же. С. 3-4
13. Алексеев А. Тяготение, которое не тяготит. В. А. Ядову — 80. Там же. С. 4-5
14. Фирсов Б. Владимир Ядов. Сложен, но его понимает всякий. Там же. С. 5 — 6
15. Шляпентох В. Наш, не их. Социолог и система. Там же. С. 6-8
16. Саганенко Г. И вот уже шефу 80 лет! Этнографические зарисовки первого математика в стане социологов. Там же, С.8-9
17. Чесноков С. Czes&c&, Владимир Александрович. Там же. С. 9-10
18. Магун В. Человек на все времен. Там же. С. 10-11.
19. Ядов Н.В. "Хочется жить в нормальной либеральной стране" // "Телескоп". 2009. № 2. С.12-19 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1296913350288960file.pdf
20. Невыключаемое наблюдение. Б. Докторов. Заметки о моей американской жизни. В. Ядов. Мои римские каникулы. Телескоп. 2009. №6, с.47-53 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1297505718305459file.pdf
21. Ядов В. Итальянское турне в начале нового тысячелетия. Телескоп. 2010, №4, с. 43-47. http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2010&id=692
22. Ядов В. Дибайки для студентов-социологов, или несерьезные заметки о серьезном. Телескоп, 2013, №3, с. 59-62 http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2013&id=846
24. Воспоминания о Людии Николаевне Лесохиной. Интервью с Владимиром Ядовым // Телескоп. 2012, № 4. С. 13-15. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_2/article_content1380212902385944file.pdf
25. В.А. Ядов: "Нам одно остается: честно делать свое дело" (Интервью Б.З. Докторову с В.А. Ядовым) // Телескоп. 2014, №2. С. 2-8. (текст будет доступен на сайте в сентябре)
26. Ядов В. Мемуаризмы или заметки о поездках за рубеж // Телескоп. 2014, №2. С. 9-14. (текст будет доступен на сайте в сентябре)
27. Ядов В. Мемуар о том, как разрабатывалась диспозиционная концепция // Телескоп. 2015, №4. С. 48

Мемуар о том, как разрабатывалась диспозиционная концепция¹

Владимир Ядов

Эту историю я описываю по памяти, т.к. никогда не относился серьезно к архивам и больше того — выбрасывал разные записи в знак завершенной работы. А жаль. История с разработкой диспозиционной концепции саморегуляции социального поведения личности может быть интересной с точки зрения умственного процесса.

Когда мы начали в ИКСИ при Руткевиче проект "Ценностные ориентации"², там действовало правило: если проект солидный, судя по замыслу и детальности разработки программы и полевых инструментов, то данное подразделение из статуса "группы изыскательского" проекта преобразуется в "отдел генерального проекта". Это означало финансирование полевых исследований и возможность пригласить на работу новых сотрудников. Мы же, находясь в Ленинградском филиале Института, испытывали все отсюда вытекающие трудности: ни машбюро, ни возможности договориться с коллегой и хотя бы временно попросить его лаборанта в качестве интервьюера.

Концепцию исследования разрабатывали, собираясь примерно через день-два после распределения на предыдущем семинаре "домашних заданий". Задания сводились к поиску нужной литературы. Я был руководителем сектора "изыскательского проекта", сменив в этой должности Игоря Кона. Игорь между тем непременно участвовал в наших посиделках. После очередного сообщения кого-либо из команды он, как правило, заключал: это известно и подвергается критике такими-то авторами. Мы распределяем новые задания на дом и, спустя время — аналогичный вердикт всё знающего Игоря Семеновича.

Между тем, сидя в своем кабинете на ул. Чайковского, где после выезда одной семьи в большой коммуналке мне досталась огромная комната с застекленным эркером, я предавался размышлениям. Пытался как то связать усвоенное из литературы. Что именно?

Милтон Рокич, парадокс Лапьера и попытки разрешить парадокс как мы их называли "аттитюдниками" (МакГайр.... и др.), Дмитрий Узнадзе и Владимир Николаевич Мясичев — основные источники. Все это никак не связывалось меж собой.

Что следовало связать? Ценностные ориентации субъекта и его реальное поведение. Но не напрямую, так как общеизвестно, что, к примеру, стремящийся к правде подчас подвирает и обманывает, о соблюдении 10 заповедей и говорить не приходится: будь так, Ватикан в свое время не обогатил бы свои тайники золотом и драгоценностями за счет индульгенций. Если работать с аттитюдами, то методически неясно как схватить предложенную [таким-то] трехкомпонентную его структуру: когниции, эмоции и поведенческая установка.

С узнадзовской установкой не легче. Мы тесно общались с Шота Надирашвили, учеником Узнадзе и тогдашним директором Института психологии имени Узнадзе. Я не раз бывал в Тбилиси и помню застолье, в ходе которого Шота наглядно объяснил мне, что есть установка. Спрашиваю: объясни, наконец, какова роль осмысленного в установке? Он: "Ганцхоба (ус-

тановка по-грузински) — это целое". Потом обращается к жене и просит принести еще вина из подвала, "разное вино возьми, Мэри. А ты, Владимир, сделай вороночку из вот этого листа чистой бумаги, который я беру из пачки". Говорит сидящим за столом: друзья, пусть каждый из вас волет несколько капель в рог нашего ленинградского друга, хотя рог не настоящий. Он нас простит, потому что я предлагаю эксперимент. Когда мой "фунтик" наполнился, Надирашвили предложил откусить нижнюю часть и выпить содержимое. Потом встал в позу и задал вопрос: "Скажи, дорогой, можешь определить пропорции этих замечательных вин в своем бокале? Не можешь. Ганцхоба — это ганцхоба."

Между тем, Узнадзе, утверждая бессознательность установки, говорил, что она "объективируется" в случае, если установочное действие не приводит к ожидаемому результату. Ключ, например, не открывает замок: мы начинаем соображать, тот ли ключ, не засорился ли он или замок и т.д. Я соображаю, что установка чем-то сродни аттитюду. Чем? Эмоционального компонента нет (переживается не привычный акт открывания двери, но его бесполезность), а когниции оживают, ищем причину. Потом сознательное снова погружается в подсознание. Нет, ганцхоба нам в исследовании не помогает. Но что-то в теории Узнадзе есть, что надо дальше продумать. Узнадзе считает, что ганцхоба формируется на стыке некоторой жизненной потребности и ситуации, в которой эта потребность может быть реализована.

И здесь меня, что называется, осенило: потребности то разные, сиюминутные и многие иные. Почему не представить иерархию потребностей (например, как у А.Маслоу или иную), где каждому уровню потребности будет соответствовать адекватная ее насыщению ситуация? Беру с книжной полки Геодакяна, который в то время был лидером просвещения наших умов по части системного анализа. Открытые системы, закрытые системы, иерархические системы...Ценностные ориентации — вершина системы. Чего? Скажем, предрасположенности к поведению в разных ситуациях плюс для удовлетворения потребностей разного уровня. Остается продумать конструкцию диспозиционной иерархии и научное открытие сделано!

Было часа два за полночь. Я разбудил Люку, захлебываясь от раздирающих чувств, изложил идею, и мы тяпнули из какой-то бутылки, что нашлась в доме.

Утром позвонил Леше Семенову, нашему молодому сотруднику с полноценным образованием психолога. Леша примчался не помню в какое время, но до завтрака. Первое, что он сказал: идея того стоит, но... Если система диспозиций иерархична, то высшие уровни доминируют, а так ли это? В смысле эволюции это так, мозг человека и лягушки радикально отличны. И все же вторая сигнальная система человека не всегда контролирует его подсознание. Мы вместе решили, что идею надо обсудить немедленно, а там видно будет.

¹ Текст этой статьи получен Б. З. Докторовым от В.А. Ядова 23 мая 2010 г.

² Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности // Руководитель исследования В.А. Ядов. Ленинград: Наука, 1979; Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. Инициатор и руководитель проекта В.А. Ядов. — М.: ЦСПиМ, 2013.